

: i þuæ þʒqjæθ lʌrʒi l̥æp̥æp̥u :

[illegible]

зима 1999

: 178 678 778 888 :

ВНОМЕРЕ:

Дж.Р.Р.Толкин. "История Средиземья" т.4, гл.VI. Самые ранние анналы Валинора. Пер. Эльвен Финарфинсэн.	3
Хель Итилиенская. Сияет мне... (Глорфиндэл. Попытка "реконструкции" биографии).	14
А. Семёнов. Мифопоэтическое пространство в литературе XX века.	17

Palantir®

ПАЛАНТИР

№ 18 1999

ЖУРНАЛ
ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

*Этот номер для вас делаем:
Аратанве Эондил, Золтан Бардинг, Моргул,
Торин Эйкинскьялди*

Наш адрес: 191186 Миллионная 15-13

E-mail: zoltan@home.ru 2:5030/441.3@FidoNet

Наши сайты: <http://arda.tolkien.webjump.com>

<http://www.tolkien.spb.ru>

Copyright©1999, Толкиновское Общество СПб

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами.
Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения
Толкиновского Общества запрещена. Рукописи не рецензируются и
не возвращаются.

Издание журнала не преследует коммерческих целей.

Редакция благодарит автора использованных в издании шрифтов Tengwar Quenya и
Tengwar Sindarin Дэна Смита.

J.R.R. TOLKIEN

Перевод Эльвен Финарфинсэн
под редакцией Хель Итилиенвен

The HISTORY of MIDDLE-EARTH
Volume 4
The SHAPING of MIDDLE-EARTH
The QUINTA, the AMBARKANTA and the ANNALS

(ИСТОРИЯ СРЕДИЗЕМЬЯ
Том 4
ОЧЕРТАНИЯ СРЕДИЗЕМЬЯ
КВЭНТА, АМБАРКАНТА и АННАЛЫ)

Глава VI
САМЫЕ РАННИЕ
АННАЛЫ ВАЛИНОРА

назвал эту работу “Самыми ранними анналами Валинора” потому, что позже за нею последовала вторая, относящаяся к 1930-м годам, а затем, после написания “Властелина Колец” в 1951...1952 годах, и третья, озаглавленная “Анналы Амана”. Все они являются продолжением первоначальных Анналов - и в то же время каждая представляет собой совершенно новую работу, содержащую немало замечательных сведений из истории Древних Дней.

Первоначальные Анналы Валинора представляют собой рукопись на 9 страницах, написанную чернилами. Там есть значительное количество исправлений и переделок; некоторые правки вносились чернилами, возможно, не позднее, чем сама рукопись; другие правки сделаны карандашом нечётко и торопливо, их не всегда можно разобрать. Таковы заметки 14 и 18, полностью состоящие из новых сведений о событиях в Средиземье.

Ниже следует первоначальный текст Анналов; кроме одного-двух незначительных исправлений, внесённых по ходу дела, все более поздние вставки и изменения пронумерованы и представлены в конце заметок. Их много, и они очень сложные.

Ясно, что эти Анналы создавались в тот же период, что и Квэнта, но написаны были позже. Это видно хотя бы из того, что в Квэнте Финрод (= позже Финарфин) возвратился в Валинор с дальнего Севера после сожжения кораблей, а далее упоминается, что он вернулся раньше, после Пророчества севера, и этот более поздний рассказ дан только на полях (прим. 8 к ч. 5 и коммент. на с. 170), - в Анналах же он вставлен в текст (2993 Валианский год). В Анналах уже упоминается Белерианд, тогда как в Квэнте он ещё назван Броселиандом (исправлено на Белерианд позднее); в них встречаются названия, которые в Квэнте отсутствуют, например, Бладорион, Дагор-ос-Гилиат, Дренгист, Эрэдвэтион; Эрэдломин назван Зычными горами, а не горами Тени, как в Квэнте и на первой карте. Наверно, этого достаточно, чтобы показать, что Анналы написаны позже Амбарканты, хотя, разумеется, оба текста относятся к одному и тому же периоду.

АННАЛЫ ВАЛИНОРА

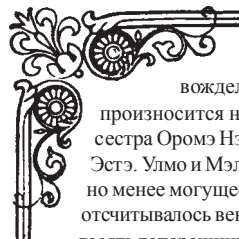
(Их, а также Анналы Белерианда написал Пенголод Мудрый из Гондолина, который жил там до падения города, а потом из Гаваней Сириона возвратившийся в Тавробэл на Толэрресза, что на Западе; об наружил и перевёл Эриол из Лэйтиена, что в Эльфвине Ангелсиннском).

Здесь начинаются Анналы Валинора

0. В начале был Илуватар, “Отец Всего <Сущего>”, и сотворил он Мир и Валар, что означает

ᑭᑭᑦ : ᑭ ᑭᑦᑦ ᑭᑭᑦ : ᑭᑦᑦ ᑭᑦᑦᑦᑦ : ᑭ

“Стихии”. Было их девять: Манвэ, Ульмо, Аулэ, Оромэ, Тулкас, Оссэ, Мандос, Лориэн и Мэлко. Самыми могущественными были Манвэ и Мэлко, и были они братьями; но Манвэ стал властителем Валиар и он священен, а в Мэлко взыграли вождество и гордыня и обратился он к насилию и злу, за что имя его было забыто и не произносится ныне, но зовут его - Моргот. Супругами Валиар были Варда и Йаванна, сестра её; сестра Оромэ Нэсса - жена Тулкаса¹; Уинэн, Владычица Морей; Ниэнна, сестра Манвэ и Мэлко; и Эстэ. Ульмо и Мэлко жён не имели². С ними пришли и другие духи, их дети или так же сотворённые, но менее могущественные; это Валиаринди. Время в Мирах до появления Солнца и Луны для Валиар отсчитывалось веками, и Валианский век состоял из ста годов Валиар, каждый из которых насчитывал десять теперешних лет.

В 500 Валианском году: Моргот обманом разрушил Светильники³, которые создал Аулэ для освещения Мира, и Валиар, кроме Моргота, ушли на Запад и создали Валинор между Внешним Морем, окружавшим Землю, и Великими Морями Запада, и возвели на берегах его высокие горы. Так была нарушена в те дни симметрия земли и моря⁴.

В 1000 Валианском году, после создания Валинора и возведения Валимара, города богов, взрастили Валиар Два Древа - Серебряное и Золотое, сияние которых освещало Валинор. В это время в Средиземье Мэлко построил огромную крепость на Севере Мира; он искривлял и ломал Землю⁵. Тысяча Валианских годов блаженства и славы последовали за этим, но Средиземье, куда не достигал свет Дерев, лежало во тьме. Только Оромэ наведывался поохотиться в дремучих лесах Мира, да иногда прогуливалась Йаванна.

2000 Валианский год считается расцветом Благословенного Царствования и временем радости богов. Варда создала звёзды⁶ и поместила их в вышине; тогда некоторые Валиаринди отправились в Средиземье, и среди них была Мэлиан, голос которой был знаменит в Валиноре. Долгие годы не возвращалась она в Валинор, и соловьи распевали ей встречу в дремучих лесах Западных Земель. Когда засиял в небесах Серп Валиар, который Варда поместила⁷ на Севере, как предостережение Морготу и знак его падения, в самом центре Мира пробудились Старшие Дети Илуватара - Эльфы⁸. Оромэ нашёл их и подружился с ними; и, когда боги призвали их к себе, большая часть Эльфов двинулась под его водительством через Запад и Север к берегам Белерианда. А перед их путешествием Моргот потерпел поражение в великой войне, был схвачен, связан и заточён в темницы Мандоса. Там суждено ему было томиться девять веков (900 Валианских лет)⁹, а после этого он должен был просить прощения. В той войне земля сотрясалась и раскалывалась, и лик её вновь изменился¹⁰. Квэнди¹¹ и Нолдоли первыми достигли Валинора, и на холме Кор, около берега, возвели они город Тун. А Тэлери ещё целый век (1000 Валианских лет) прожили на берегах Белерианда, и многие так никогда оттуда и не ушли. Предводительствовал ими Тингол (Синдигул)¹², брат Элвэ, вождя Тэлери; потом он стал мужем Мэлиан. После свадьбы он правил Эльфами, оставшимися в Белерианде после того, как Ульмо перевёз многих Тэлери на Толэрессэ¹³. Это произошло между 2000 и 2100 Валианскими годами.

Между 2100 и 2200 годами Тэлери жили на Толэрессэ в Великом Море и могли лишь смотреть на Валинор, однако в 2200 году они сели на корабли и приплыли в Валинор, и поселились на его восточном берегу, где основали город Альквалондэ, или “Лебединая гавань”, названный так потому, что там качались у причалов их белые корабли, похожие на лебедей.

Около 2500 года Нолдоли открыли секрет изготовления драгоценных камней; а вскоре кузнец Фэанор, старший сын Финвэ, вождя Нолдоли, создал знаменитые Сильмариллы, которые предопределили судьбы многих, о ком рассказывается в этой истории. Сильмариллы были наполнены сиянием Двух Дерев - священным светом Валинора, и в них горел этот изумительный огонь¹⁴.

В 2900 году закончился плен Моргота, и он просил прощения и был освобождён благодаря заступничеству и мольбам сестры своей Ниэнны и милосердию брата своего Манвэ; но Тулкас и Оромэ были против этого; и Морготу, пока он жил в Валиноре, приходилось являть собою кротость и покорность воле Валиар, показывая, будто он раскаивается во всех своих прегрешениях, и выказывать любовь и дружелюбие к Эльфам, дабы ничто не стесняло его свободы. Но он лгал и притворялся, а более всех морочил Нолдоли, обещая многому научить их - а они мечтали учиться; в действительности же он возжелал эльфийских сокровищ, а пуще всего - Сильмариллы.

2900 Ещё два века¹⁵ длилось блаженство Валинора, хотя многие сердца омрачались предчувствием

надвигающейся тени; под покровом тайны и трусливой лжи Моргот сеял семена раздора между сынами Финвэ - Фэанором, Финголфином и Финродом, и по его вине всё меньше Нолдолой доверяли Валар. В 2950 году из-за проклятия богов Фэанор, старший сын Финвэ, и его потомство лишились права возглавлять Нолдолой - поэтому Дом Фэанора и назван был позже "Отлучённым"; а после этого Моргот похитил их сокровища - и боги поняли, кто повинен в случившемся. Но он успел скрыться в Арвалине и стал готовить новое зло ¹⁶.

2990-1 Моргот с помощью Унголиантэ пробрался в Валинор и уничтожил Древа, в наступившей тьме он пришёл на север, убил Финвэ и многих Эльфов, осквернив тем самым Валинор и пролив первую кровь в Мире ¹⁷, разграбил жилище Фэанора и похитил множество драгоценных камней, среди которых были и Сильмариллы. Валар преследовали его, но он скрылся на Севере Внешних Земель, восстановил свою мощь и собрал вокруг себя самых злых тварей - Орков и Балрогов¹⁸.

2991 Валинор был погружён во мрак и уныние, и лишь свет звёзд сиял над Миром. Против воли Валар Фанор вернулся в Тун и провозгласил себя владыкой Нолдоли после Финвэ, и созвал он в Тун всех из племени Нолдоли. Фанор говорил с ними, и речь его была исполнена Морготовой лжи - не распознал её Фанор, хотя сердце его жгла ненависть к Морготу, убийце его отца и похитителю его сокровищ. Он убедил большинство Нолдоли¹⁹ покинуть Валинор и установить свою власть на земле, чтобы не опередили их Младшие Дети Илуватара - Люди (Фанор невольно повторял слова Моргота); объявил он войну Морготу и поклялся вечно преследовать его, чтобы вернуть сокровища. Перед всеми Нолдоли произнесли Фанор и сыны его ужасную клятву убивать или преследовать любого, кто против их воли будет хранить Сильмариллы.

2992 Поход начался, несмотря на запрет богов (он никого не остановил), но поскольку не все Нолдоли признавали власть Фэанора и Дом Финголфина провозгласил королём своего владыку, предводителей у Эльфов было несколько. Тем временем Фэанору пришлось на ум, что столь большому отряду (а кроме воинов с ними шли и другие Эльфы), обременённому множеством припасов, трудно будет одолеть долгий путь на север (ибо лежал Туи у подножия Таниквэтил, и Внешние Морья были здесь неизмеримо широки) без кораблей. Но Корабли имелись лишь у Тэлери, а этот народ вряд ли пошёл бы против воли Валар. И 2992 Валианский год ознаменовался жутким побоищем у Альквалондэ, когда Нолдоли в безумии своём лишь тешили Морготу, устроив братоубийственную резню, - и скорбные песни слагают о том событии. Нолдоли оказались сильнее, и взяли они корабли убитых Тэлери, и медленно поплыли вдоль скалистых берегов на север, преодолевая великие опасности, - и путь их сопровождался раздорами.

Как рассказывают предания, в 2993 году они дошли до места, где возвышалась большая скала, и ждал на ней мятежников Мандос или его посланник, который произнёс слова Пророчества. Повинный в братоубийстве Дом Фэанора - и в меньшей степени те, кто последовал за ним и делил его безумие, - должны были вернуться и просить прощения у Валар. Если же не расскажут они в содеянном: зло и болезни сломят их; из-за вероломства братьев клевта их обернётся против них самих; познают они смерть, ибо легко могут быть убиты оружием, муками, печалью, и увянет их род, и уйдут они в небытие до прихода юной расы. Многие ещё предрекал он ослушникам, обещая, что отныне не будет им возвращения в Валинор²⁰. Но сердце Фэанора ожесточилось, и он продолжил путь, и за ним следовали Финголфин и приближённые его, не желая оставить своих родичей (к тому же, не все из них вышли незапятнанными кровью из резни в Альявалондэ). Фелагунд и другие сыновья Финрода шли впереди, поскольку дружба связывала Фелагунда с сынами Финголфина, а Ородрэта, Ангрода и Эгнора - с Келегормом и Куруфином, сынами Фэанора. И всё же третий Дом владык Нолдולי менее других подпал под власть тени: они не участвовали в резне, и многие, в том числе и Финрод, возвратились в Валинор и получили прощение богов. Но их друг Аулё не улыбался им более, и Тэлари чурались их.

2994 Нолдоли пришли на Север и не осмеливались двинуться далее, ибо между Западными Землями (где находился Валинор) на востоке и Внешними Землями на западе лежал пролив, где сходились холодные воды Внешних Морей и волны Великого Моря; круглый год над ним лежали туманы, а сам пролив был забит огромными ледяными глыбами. Он носил название Холкаракс. Множество захваченных у Тэлери кораблей затерялось в пути, и оставшиеся не могли перевезти всех за один раз. Между Фэанором и Финголфином вспыхнули прежние разногласия. И Фэанор отплыл на восток²¹, говоря: “Все, кто ропщет, могут возвращаться в тенета Валинора!” Достигнув восточного побережья, он сжёг белые корабли, и так огромен был этот костёр, что оставшиеся позади Нолдоли видели его зарево.

උ උප්පුක ප්‍රප්‍ර : ඛිත.චුඡුක :

Так около 2995 Валианского года Фэанор прибыл в Белерианд на побережье у Эрэдломин, Зычных гор; они высадились в узком заливишке Дрэнгист, вблизи Дорломэна. Отсюда они отправились в Дорломэн. В земле Хитлум, в той её части, что носит имя Митрим, на северном побережье одноимённого озера, они и разбили свой лагерь.

2996 Моргот узнал об их прибытии и послал в Митрим армию, пожарище указало, где находятся Эльфы, и произошло сражение, в котором Нолдоли победили и гнали Орков, и преследовали их до Эрвэтион (Гор Тени) у Бладориона. Эту битву называли Первой Битвой Белеарианда, а также Жадо-ос-Гилят, Битвой-под-Звёздами, поскольку вокруг было ещё темно. Однако победа была омрачена гибелью Фэанора, которого смертельно ранил предводитель Балрогов Готмог, когда Фэанор слишком приблизился к Бладориону²². Фэанор был принесён в Митрим и умер там, напомним сыновьям о клятве. Теперь они поклялись вновь, обещая мстить ещё и за отца.

2997 Но Майдрос, старший сын Фзанора, попал в ловушку Морготта. Моргот притворился, будто хочет договориться, а Майдрос прикинулся, что рад этому, но каждый замыслил недоброе и привёл с собою войско. Моргот оказался сильнее, и Майдроса схватили. Моргот поклялся отпустить заложника, если Нолдоли возвратятся в Валинор или хотя бы отступят из Бедерианда дальше на юг; но он пригрозил, что Майдроса ждут мучения, если Эльфы не выполнят его условий.

Однако Нолдоли не поверили, что он сдержит слово, а даже если бы и сдержал, они не хотели принимать его условий. Поэтому в 1998 году Моргот исполнил свою угрозу и подвесил Майдроса за правое запястье на скалах Тангородрим над пропастью, где никто не мог его спасти.

Далее рассказывается, как Финголфин и сыновья Финрода²³ пришли наконец на север Мира, понеся огромные потери. Не желая возвращаться в Валинор, они пешком перешли через Хэлкараксэ, поскольку кораблей у них не было, страдания их были неизмеримы, и сердца наполнила ненависть к Фэанору.

И как только они пришли, Первые Века Мира закончились²⁴; и идёт отсчёт как 30000 лет или 3000 лет Валар; первая Тысяча прошла до Древ, а Две Тысячи, кроме девяти последних лет, были Годами Древ, или Священного Света, что жил после только в Сильмариллах. А девять были Годами Тьмы, или Затемнения Валинора.

Но ближе к концу этого времени, как говорилось, Боги создали Солнце и Луну и отправили их над Миром, и свет пришёл на Внешние Земли²⁵. И на востоке Мира с первым Рассветом пробудились Люди²⁶.

А при восходе Луны Финголфин вступил на Север, так как Луна взошла прежде Солнца - как Силпион начинал сиять до Лаурэлина и был старшим из Древ. И первый Рассвет озарил поход Финголфина, и развернулись синие и серебряные флаги, и цветы расцветали у ног идущих - так в Мир пришло цветение, но, как всегда, и зло.

И Финголфин быстро пришёл в землю Моргота, Дор-Даидэлот²⁷, Землю Страха, и Орки в изумлении разбегались перед новым светом и прятались под землей; и Эльфы прошли мимо ворот Ангбанда, и рокот их барабанов эхом отдавался в башнях Тангородрим. Так пришли они на юг Митрима, и мало любви²⁸ было между ними и Домом Фанора; и народ Фанора разбил лагерь на южных берегах, так что озеро лежало меж ними. С этого времени начинается отсчёт Солнечных Годов, и эти события относятся к первому году. С них начали отсчитывать Время Мира - оно пошло по-иному, чем в Валиноре, и расцвет, изменение и взросление происходили намного быстрее во Внешних Землях²⁹, между морями Востока и Запада, где жили Смертные.

А последующие события описаны в *Анналах Белерианда*, и в *Пеннас*, или *Квэнта*, и во многих песнях и сказаниях.

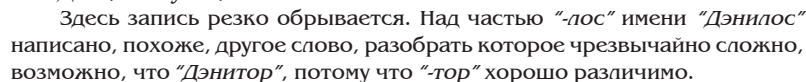
ḡḡḡḡḡḡ ḡḡḡḡ : ḡḡ ḡḡḡḡḡḡ : ḡḡ

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Здесь дописано карандашом: "дочь Йаванны".
2. Этот абзац, с "и Ниэнна...", был исправлен карандашом так: "и Вайрэ, и Эстэ. Супруги не было у Ульмо, Мэлко, Ниэнны, сестры Манвэ и Мэлко".
3. См. сноску к IV карте Амбарканы - Мир около 500 Валианского года, после разрушения Светильников.
4. "Но в те дни была впервые нарушена симметрия земель и морей" - дополнение, сделанное, вероятно, во время написания текста.
5. "И он много раз раскалывал и сотрясал землю" - другое дополнение, тоже сделанное, вероятно, во время написания текста.
6. Абзац до этих слов был исправлен чернилами так: "Но во время (1900) Варда начала создание звёзд...". Предложение "Валианский 2000 год считается расцветом Благословенного Царствования..." было сдвинуто - см. прим. 10.
7. Здесь дописано чернилами: "последнее и (Серп Богов, который Варда поместила над Севером последним)".
8. Здесь дописано чернилами: "С тех пор они зовутся детьми звёзд".
9. "Девять веков (900 Валианских лет)" исправлено чернилами на "Семь веков (700 Валианских лет)".
10. В этом месте предложение "2000 Валианский год..." было переправлено (см. прим. 6).
11. "Квэнди" переправлено карандашом на "Линдар".
12. "Синдигул" переправлено карандашом на "Тиндигол".
13. Здесь дописано карандашом: "Напрасно его народ искал его - его сон длился до тех пор, пока они не ушли".
14. Здесь дописано карандашом:
"2700 Зелёные Эльфы, или Лайки, или Лайкэлдар, пришли после долгих скитаний в Оссирианд, до этого времени обитая в различных местах. Говорят, что группа Нолдоли под предводительством Дэна отказалась признать главенство Дома Финвэ в начале похода и повернула на юг, но там земли снова оказались неплодородными и тёмными, и Эльфы вновь повернули на север. Около 2700 года они под предводительством Дэнитора, сына Дэна, перешли Эрэдлиндон и остановились в Оссирианде, став союзниками Тингола".
Имя Дэнитор - возможно, изменение имени Дэнинос (см. прим. 18).
15. Вторая версия событий 2900 года была написана после того, как первая стала датироваться 2700 годом (см. прим. 9 и прим. о датах ниже).
16. Этот абзац был переделан и дополнен карандашом так:
"...похитил их сокровище. Но Моргот спрятался на севере, что было известно только Финвэ и Фэанору, которые жили теперь отдельно от прочих Эльфов.
2950 Боги повелели схватить Моргота, но он перебрался через горы в Арвалин и долгое время творил зло, собирая вокруг себя силы Тьмы".
Дата "2950 год", записанная в этом абзаце раньше, была вычеркнута в то же время.
17. Здесь дописано карандашом: "Такую награду получил Финвэ за свою дружбу".
18. Здесь дописано чернилами:
"И страх пришёл в Белерианд; а Тингол сделал своим жилищем Мэнегрот, и Мэлиан волшебством Балар возвела ограду вокруг Дориата; и большинство Эльфов Белерианда поселились под этой защитой, кроме некоторых, отправившихся к западным гаваням - Бритомбару и Эгморэсту, что около Великого Моря".
И торопливая и смутно различимая приписка карандашом:
"...и оставшихся Зелёных Эльфов Оссирианда, положившихся на разлитое в реках

могущество Ульмо. Но Тингол и его союзник Дэнилос из Зелёных Эльфов какое-то время удерживали Орков в стороне от юга. Но скоро Дэнилос, сын Дэна, был убит, и Тингол...”

- ## ЗАМЕТКИ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ ДАТ

Упоминание расцвета Благословенного Царствования было перенесено (см. прим. 6 и 10) для того, чтобы датировать создание звёзд и другие события, произошедшие до 2000 года. Начало создания звёзд было затем датировано 1900 годом (прим. 6) и против *"В первом сиянии Серпа Богов..."* было написано *"1950 год"*. Против похода Эльфов, возглавляемого Оромэ, была написана дата *"1980...1990 годы"*; а против прибытия Квэнди (Линдо) и Поддולי в Валинор - 2000 год.

В заключительной части периода некоторые даты были изменены карандашом, возможно, позднее упоминавшихся ранее. Так, поселение Тэлери на Тол Эрессэа, первоначально датировавшееся 2100...2200 годами, было изменено на 2010...2110 годы, а приход Тэлери в Валинор вместо 2200 - на 2111 год.

Первоначальные / Последующие

8

ᄃᄃᄃ ᄃᄃᄃᄃ ᄃᄃᄃᄃ ᄃᄃᄃᄃ : ᄃ ᄃᄃᄃ ᄃᄃᄃᄃ :

II. Даты периода с 2900 Валианского года

Исправив срок пребывания Моргота в заключении с 9 до 7 веков (900 на 700 Валианских лет, прим. 6), автор исправил и 2900 год на 2700. Эти изменения, вероятно, были сделаны, когда работа над Анналами ещё продолжалась, потому что вторая статья о 2900 Валианском году начинается словами: *“Ещё два века длилось блаженство Валинора...”*, то есть ещё два века, считая от изменённой даты, 2700 года, когда Моргот просил прощения и был освобождён.

Об изменении даты 2950 см. прим. 16.

Почти все даты с 2990...2991 года и до конца были исправлены карандашом, как показано в таблице. (Даты в тексте с 2992 по 2995 год сами являются чернильными исправлениями, по-видимому, в каждом случае опережая первоначально написанную дату на один год.)

Предложение *“И 2992 Валианский год...”* было исправлено на *“И ужасный 2999 Валианский год (29991 С.Г.)...”*, где С.Г. - это *“Солнечный год”*; см. начало Анналов, где объясняется, что один Валианский год был равен 10 *“теперешним”*, то есть солнечным годам.

Можно предположить, что поздние карандашные исправления, представленные в таблице, преследовали цель *“ускорить”* события, так чтобы от Битвы при Алквалондэ до прихода Финголфина в Средиземье прошёл только один Валианский год. В абзаце, где говорится о летосчислении Первых Веков Мира, в предложении *“...Две Тысячи, кроме девяти последних лет, были Годами Древ...”* цифра *“девять”* исправлена на *“один”*; этот *“один”* и есть *“ужасный 2999 Валианский год”*.

В приводимой таблице расписаны только действительные изменения дат. Изменение 2991 года на 2999...3000 должно был охватывать все последующие записи от слов *“Валинор был погружён во мрак и уныние, и лишь свет звёзд сиял над Миром”*.

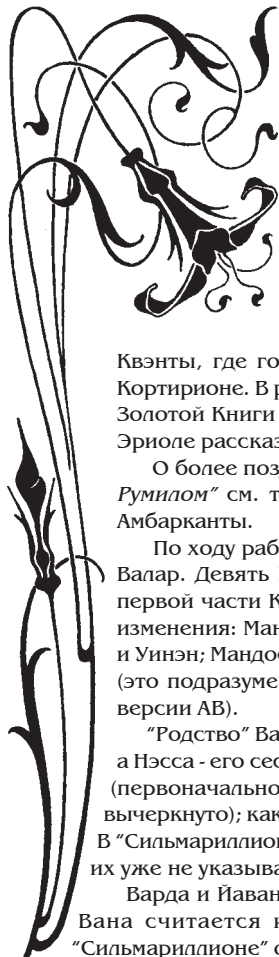
Первоначальные Анналы		Последующие изменения	
Валианские		Валианские	Солнечные
года		года	года
2991-1	Уничтожение Древ и побег Моргота	2998	
2991	Восстание Фэанора	2998...3000	
2992	Подготовка к походу Нолдоли	2999	
2992	Битва при Алквалондэ	2999	29991
2993	Проклятие Мандоса		29992
2994	Нолдоли на дальнем Севере; сожжение кораблей		29994
2995	Высадка Фэанорингов и разбивка лагеря в Митриме		29995
2996	Битва-под-Звёздами и смерть Фэанора	<i>Дата вычеркнута</i>	
2997	Пленение Майдроса		29996
2998	Майдрос повешен над Тангородрим		
3000	Приход Финголфина		

Комментарии к Анналам Валинора

Во вступлении к Анналам Валинора (АВ) мы встречаем имя некое го Пенголода Мудрого из Гондолина, который поселился в Тавробэле на Тол Эрессэа *“после своего возвращения на Запад”*. Имя Пенголода часто появляется и в дальнейших записях, но больше о нём ничего не говорится (ссылка на Гавани Сириона указывает, что он был одним из тех, кто спасся с Идрил и Туором). Я подозреваю, что его литературное происхождение можно

ᚠᚢᚦᚢ ᚠᚢᚦᚢ ᚠᚢᚦᚢ : ᚠᚢᚦᚢ ᚠᚢᚦᚢ :

отыскать через Гилфанона ("Книга забытых преданий"), тоже жившего в Тавробэле (как сейчас выяснилось); в его доме ("Доме сотни каминов") останавливался Эриол, и Гилфанон уговорил его записать всё, что тот знает, а Эриол увидел книгу Пенголода и перевёл её. Кроме того, Гилфанон был из Поддоли, и, хотя по КЗП он не связан с Гондолином, он являлся Эльфом Кора, "будучи в самом деле одним из старейших Эльфов и самым старшим из тех, кто жил на острове"; он долго жил в Великих Землях, а Пенгопод был Эльфом, чья жизнь началась в Валиноре, когда он "вернулся" на Запад.

Неясно, является ли приписывание обеих частей Анналов Пенголоду из Тавробэла, где Элфвин/Эриол перевёл их, отступлением от замысла или оно связано с предисловием

Квэнты, где говорится, что Эриол прочёл Золотую Книгу (Парма Кулуина) в Кортирионе. В ранних заметках и набросках встречаются различные толкования Золотой Книги (см. т. II "Истории Средиземья"). Более подробно об Элфвине и Эриоле рассказывается во вступлении к Анналам Валинора (т. IV ИС).

О более позднем дополнении к АВ (п. 20) "Здесь заканчивается написанное Румилом" см. т. IV ИС, с. 292, 293, где Румил появляется вновь - как автор Амбарканты.

По ходу работы совершенствовалась композиция и изменялись отношения Валар. Девять Валар - это те самые "Старшие Валар", или "Девять Богов" из первой части Квэнты; супружеские пары Валар также претерпели некоторые изменения: Манвэ и Варда; Аулэ и Йаванна; Оромэ и Вана; Тулкас и Нэсса; Оссэ и Уинэн; Мандос и Ниэнна. Но теперь впервые появляется Эстэ, супруга Лориэна (это подразумевается данным эпизодом и ясно выражено в староанглийской версии АВ).

"Родство" Валар. В КЗП Аулэ и Йаванна Палуриэн названы родителями Оромэ, а Нэсса - его сестрой. В дополнениях к АВ (п. 2) Нэсса названа дочерью Йаванны (первоначально в Квэнте Нэсса назва на дочерью Ваны, но позже это было вычеркнуто); как оказалось впоследствии, Оромэ был сыном Йаванны, но не Аулэ. В "Сильмариллионе" Оромэ и Нэсса тоже названы братом и сестрой, хотя родители их уже не указываются.

Варда и Йаванна названы сестрами в Квэнте, а также в АВ; согласно Квэнте, Вана считается их третьей сестрой, но в АВ это не отражено, однако в "Сильмариллионе" она опять названа младшей сестрой Йаванны.

Манвэ и Мэлко в АВ названы братьями (то же утверждает и "Сильмариллион": "Манвэ и Мелкор были братьями в мыслях Илуватара"), а Ниэнна - их сестрой; в "Сильмариллионе" же она уже сестра Фэантури - Мандоса и Лориэна.

Если собрать сведения из разных источников воедино, получим:

Эстэ = Лориэн Мандос = Ниэнна Мэлко Манвэ = Варда

Варда Йаванна = Аулэ Вана = Оромэ

Тулкас = Нэсса Оромэ = Вана

Валианский год 2500. Карандашная запись (п. 14) является совершенно новым эпизодом повествования. Работая над хронологией, отец вводит его в АВ. Этот же рассказ остаётся и в более поздних Анналах Амана (хотя там события относятся к Анналам Белерианда). Это согласуется с тем, что написано в "Сильмариллионе", но там отцом Дэнэтора назван Пенвэ, а не Дэн, и эти Эльфы были из Тэльери, а не из Нолдор.

Балианский год 2900 (позднее - 2700). В Квэнте против освобождения Моргота были Тулкас и Ульмо, как и в "Сильмариллионе"; в АВ это Тулкас и Ауле. В АВ за Моргота просила Ниэнна, и этот эпизод остался в "Сильмариллионе", хотя там Ниэнна уже не называется его сестрой.

В комментариях к п. 4 Квэнты я уже замечал, что первым намёком на историю прихода Моргота в Формэнос и его разговора с Фэанором у ворот является более поздняя вставка (п. 16), рассказывающая о приходе на Совет Богов посланца с известием, что Моргот на севере Валинора и направляется к замку Финвэ. Сначала в АВ отсутствовал эпизод с уходом Моргота на север (тот отправлялся в Арвалин сразу после Совета Богов, на котором Валар порешили схватить его); но в карандашной вставке к п. 16 сказано, что “Моргот спрятался на севере, что было известно только Финвэ и Фэанору, которые жили теперь отдельно от прочих Эльфов”, и лишь потом говорится, что Боги велели схватить его, хотя нет никаких разъяснений, откуда они узнали, где он находится. Теперь рассказ понемногу обретает ту форму, в какой известен нам по “Сильмариллиону”: Финвэ посылает в Валмар гонца с известием, что Моргот приходил в Формэнос, и Оромэ с Тулкасом отправляются схватить его.

Замечательно, что, согласно исправленной датировке, между уходом Моргота в Арвалин и уничтожением Древ проходит не менее 48 Валианских лет (2950...2998), то есть 480 Солнечных лет.

Незавершённое дополнение карандашом - первое упоминание битвы Эльфов Белерианда с Орками после возвращения Моргота ("Первая битва Белерианда" в "Сильмариллионе"), в которой был убит Дэнэтор.

Валианский год 2992 (позже - 2999). В словах "Поход начался, несмотря на запрет богов", присутствует намёк на предостережение посланника Манвэ, которое имеется в "Сильмариллионе": "Не уходите!.. В этом походе Валар не станут помогать вам; но не станут они и удерживать вас".

Валианский год 2993 (позднее - 29992 Солнечный год). Много сказано о содержании Пророчества Мандоса, особенно о том, что касается изменения судьбы нераскаянных мятежников, отказавшихся вернуться. Но в Квэнте об этом не говорится ничего, и проклятие ограничивается лишь предостережением о предательстве и страхе передним; однако позднее был вставлен следующий абзац: "Бессмертные были Эльфы и... не умирали от болезней или поветрия. Но в те дни их стало можно убить оружием, иные чахли от горя, пока не увядали,

ᚱᚰᚱ ᚱᚰᚱ ᚱᚰᚱ ᚱᚰᚱ : ᚱᚰᚱ ᚱᚰᚱ :

исчезая с лица земли”.

В АВ Мандос предрекает, что Дом Фэанора и те, кто следует за мятежниками, познают смерть, ибо их легко будет убить оружием, муками, печалью, и увянет их род, и уйдут они в небытие до прихода юного народа.

На первый взгляд, в этом есть разногласия с историей Средиземья: первым убийцей в мире стал Моргот, убив Финвэ и многих других Эльфов в Формэносе; в любом случае Эльфы уже познали “смерть”. Но возможно, что “легко убить” означает то, что проклятые Эльфы станут “менее устойчивы” к смерти. В “Сильмариллионе” Проклятие Мандоса гласит: “...хотя промыслом Эру вам не суждено умирать в Эа, и никакой болезни не одолеть вас, вы можете быть сражены и сражены будете - оружием, муками и скорбью...” Я думаю, это означает: “Не забудьте, что хотя болезни вам не страшны, вы можете быть убиты другим способом - и умрёте именно таким образом”.

Превращение Эльфов в народ теней становится частью Проклятия Мандоса.

В АВ сказано, что когда Финрод и другие раскаявшиеся возвратились в Валинор и были прощены, “их друг Аулэ не улыбался им более”. Это очень интересно. В “Сильмариллионе” этого нет - там ничего не сказано о том, как были приняты Финарфин (в АВ - Финрод) и другие раскаявшиеся, кроме того, что “они получили прощение Валар, и Финарфину было доверено править остатками Нолдор в Благословенном Краю”, но в старом “Предании о Солнце и Луне” говорится, что Аулэ был разгневан на Нолдоли за из неблагодарность и братоубийство.

О союзе и дружбе третьего поколения принцев Нолдоли сказано в Квэнте, где Ородрет, Ангрот и Эгнор, сыновья Финрода, были на стороне Фэанорингов на Туне перед Походом Нолдоли; в АВ это дружба только с Келегормом и Куруфином, что, без сомнения, связано с развитием темы Нарготронда.

Валианский год 2994 (позднее - 29994 Солнечный год). Дружбой Келегорма и Куруфина с Ородретом, Ангротом и Эгнором объясняется и дополнение (п. 21), согласно которому сыновья Финрода переправились через море на кораблях вместе с Фэанорингами. Только Фелагунд пересёк Хэлкараксэ вместе с Финголфином. Этот эпизод также должен был получить дальнейшее развитие при описании истории Нолдор в Белерианде.

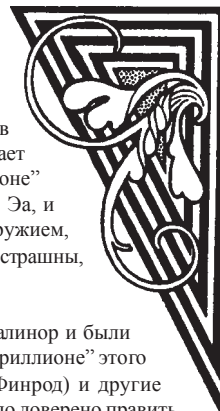
В “Сильмариллионе” из сыновей Фэанора дружеские отношения со своими родственниками (за исключением дружбы с Арэзэль, дочь Финголфина) поддерживает исключительно Маэзрос с Фингоном; не предполагая, что его отец намерен сжечь корабли, Маэзрос надеялся, что в числе первых на кораблях перевезут теперь Фингона.

Валианский год 2995 (позднее - 29995 Солнечный год). Здесь в тексте впервые появляется название залива Дренгист (оно есть в списке староанглийских названий, но отсутствует на первой карте); Эрэдломин - Зычные горы; Митрим - не только название озера, но и местности вокруг этого озера, а также гор. Лагерь Фэанорингов у озера Митрим упомянут теперь до Битвы-под-Звёздами.

Валианский год 2996 (дата впоследствии вычеркнута). Первая битва пришедших из-за Моря Нолдор с Орками теперь происходит в Митрими, а не на Северной равнине; а равнина получает эльфийское название Бладорион, в память о том времени, когда она ещё была покрыта травой (можно сравнить с “Бладорвен” - “широкая земля”, имя Йаванны в старом словаре Гномиев). Орков преследовали до Бладориона, и там же был ранен Фэанор, но умер он в Митрими. Название “Битва-под-Звёздами” есть и в Квэнте, но там же присутствует и первое упоминание эльфийского названия “Дагор-ос-Гилят” (позднее - Дагор-нуин-Гилят). Эрэдвэтион заменил Эрэдломин в эльфийском названии гор Тени (позже это встречается только в последних исправлениях Квэнты и на первой карте).

Валианский год 2997 (позднее - 29996 Солнечный год). Новым в АВ является условие, которое Моргот поставил для освобождения Майдроса.

Валианский год 3000. Здесь приведён рассказ о том, как Финголфин, придя в Средиземье, дошёл до Ангбанда и постучал в ворота, но, из соображений благоразумия (п. 28), отступил в Митрим; хотя в Квэнте уже говорилось, что двое вождей Нолдор встали лагерем на противоположных берегах озера, теперь добавлено, что Фэаноринги перешли на южный берег, когда пришёл Финголфин.

ᚷᚳᚦ ᚱᚱᚱ ᚿ: ᚱᚱ ᚱᚱᚱᚳᚦ: ᚱᚱᚱ

Для меня самым светлым и радостным мигом во “Властелине Колец” навсегда останется тот, когда близ брода через Бруинен Хоббитов и Арагорна настигают Чёрные Всадники - кажется, что беда неотвратима, но тут из-за поворота доносится стук копыт - и среди всеобщей паники появляется прекрасный золотоволосый Эльф на белом коне. Сколько бы я ни читала книгу потом, это явление Глорфиндэла, витязя Имладриса, до сих пор сияет мне под сводами того сумрачного леса!

Позже в руки мне попал “Сильм”, и выяснилось, что у благородного Глорфиндэла вообще была склонность появляться в нужное время в нужном месте: когда остатки гондолинцев потайной тропой спасались из гибнущего города, в горах они напоролись на засаду Орков во главе с Балрогом. Защищая беглецов, Глорфиндэл принял неравный бой и вместе с Балрогом рухнул в пропасть...

Ах нет, извините! В ту пору можно было лишь подозревать (памятуя об эльфийском бессмертии), что Глорфиндэл Имладрисский и Глорфиндэл Гондолинский - одно и то же лицо, однако доподлинно я удостоверилась в этом, лишь ознакомившись с главой “Последние работы (о Глорфиндэле, Кирдане и некоторых других вопросах)” из десятого тома “Истории Средиземья”.

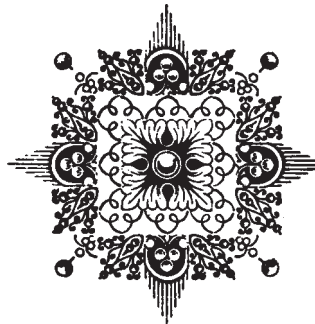
Правда, подтвердив мою догадку, Профессор тотчас озадачил меня (в первую очередь себя самого, конечно) новыми вопросами. В упомянутой работе говорилось: Глорфиндэл “был военным вождем Гондолина, он должен был быть Нолдо, одним из военачальников в войске короля Турукано (Тургона). <...> Но Нолдор в Белерианде были изгнанниками из Валинора, мятежниками, восставшими против владычества Валар и Манвэ, их верховного короля, и Тургон был одним из самых решительных и упорных сторонников мятежа Фэанора. <...> Когда Глорфиндэл Гондолинский был убит, его дух, согласно законам, установленным Единым, должен был сразу же вернуться в землю Валар. <...> Глорфиндэл Гондолинский был одним из изгнанников-Нолдор, восставших против владычества Манвэ. На всех мятежниках лежал запрет Манвэ: они не могли вернуться в Благословенное Королевство во плоти”. Профессор прикидывал и так, и этак, пытаясь выкрутиться из непростой ситуации: “Манвэ не был связан своими собственными велениями. <...> Судя по тому, что сказано о Глорфиндэле в “Сильмариллионе” и во “Властелине Колец”, становится очевидным, что он был эльфом высокого и благородного духа. Можно также предположить, что, хотя он и покинул Валинор в составе войска Тургона, и тем самым навлек на себя проклятие, он сделал это неохотно, из-за родства с Тургоном и из верности ему, и не участвовал в братоубийственной резне в Альквалонде”. Натяжка довольно слабая: до этого Профессору утверждал в “Сильме”, что из всех Нолдор-мятежников Валар простили одного лишь Финрода, сына Финарфина, да и вообще КАК выглядит Верховный Вала, поступая столь

ᐱᑭᑦᑭᑦ : ᐱᑭᑦᑭᑦ ᑭᑭᑦ : ᐱᑭᑦᑭᑦ ᑭᑭᑦ :

анекдотическим способом: дескать, я своему слову хозяин:
сам дал - сам и назад возьму!

Но среди всех этих размышлений Профессора мне в ум запала одна фраза: Глорфиндэл состоял в родстве с Тургоном. В ВК же Арагорн представляет его Хоббитам как родича Элронда. И вот тут меня “повело”... Я не хочу обидеть Профессора и всех его бесчисленных почитателей, однако не следует сбрасывать со счетов, что в предисловии к упомянутой главе Кристофер Толкин написал: “Как говорил в то время отец, <<Моя память начинает сдавать>>”. И, вероятно, именно некоторая забывчивость не позволила Профессору свести бы концы с концами. Но коль скоро ему не пришлось сделать это, я попробую за него восстановить “биографию” столь нежно любимого мною Глорфиндэла.

Итак, нам известно, что он занимал весьма высокое положение в Гондолине, а впоследствии, в Третью Эпоху, вновь оказался в столь же высоком положении при дворе Элронда. И с Тургоном, и с Элродом (внуком вышеупомянутого Тургона), как мы знаем, его связывало кровное родство. Тогда зададимся вопросом: через кого? Дети Фэанора сосчитаны, и судьбы их известны. Потомство из всех семерых оставил только Куруфин - но его сын Келебримбор умер бездетным (ибо любил одну только Галадриэль, а она не отвечала ему взаимностью). Судьба детей Финарфина тоже известна, из этих детей только двое оставили потомство, но Финдуилас ненадолго пережила отца - и уж детьми-то точно не обзавелась, а про дочь Галадриэль Келебриан нам тоже всё известно. У Финголфина было трое детей: Фингон - оставил сына Эрейниона, по прозвищу Гил-галад, который умер бездетным; про Арзэль и её единственного сына Маэглина сказано достаточно, и, наконец, Тургон родил Идрил, которая родила Эарендила, который, в свою очередь, родил Элроса и Элронда... и т.д., и т.п.

Но давайте вспомним о существовании такой работы Профессора, как “История Финвэ и Мириэль”. Там подробнейшим образом расписана история двух браков Короля Нолдор (в “Сильме” о них сказано всего ничего), и поименованы ВСЕ дети Финвэ от второго брака (чего нет, допустим, в “Сильме”... да и не только в “Сильме”, а практически больше нигде): Финдис, Нолофинве, Фаниэль, Арафинве и Иримэ. Далее эти дети названы Финдис, Финголфин, Финвайн, Финарфин и Фаниэль, что Кристофер Толкин не преминул пояснить: “Имя Иримэ (позднее измененное на Финвайн) восходит к оригинальному тексту ФМ1. В примечании к ФМ3 имена таковы же, как и в ФМ4, но добавлено: <<Эти имена приводятся в более поздних средиземских формах (кроме имен Финдис и Фаниэль, которые не покидали Валинора)>>”. Задумайтесь: стало быть, как минимум одна дочь Финвэ присоединилась к мятежу! Информации о её дальнейшей судьбе найти невозможно. Но с большой долей вероятности можно предположить, что Финголфин постарался укрыть близких ему женщин в наиболее безопасном месте Белерианда. И уж доподлинно нам известно, что для дочери Финголфина Арзэль таким местом стало Потаённое Королевство Гондолин, где правил сын Финголфина Тургон. А что хорошо для дочери, пригодно

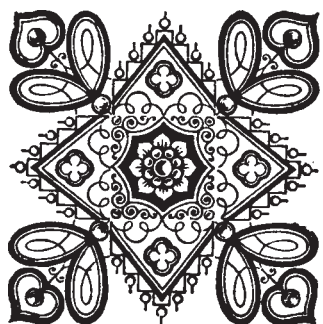

ᚱᚿᚱᚱᚱᚱ : ᚱᚿᚱᚱᚱᚱ ᚱ ᚱᚱᚱᚱᚱ ᚱ ᚱᚱᚱᚱᚱ

и для младшей сестры. И с большой долей вероятности можно предположить, что неприступный Гондолин стал местом жительства также и для Иримэ-Финвайн.

О семейном положении этой искательницы приключений свидетельств тем более не сохранилось. Возможно, её муж тоже принимал участие в Исходе Нолдор. Возможно, она нашла мужа уже в Гондолине. Но так или иначе можно предположить, что в Средиземье у неё родился сын. Может быть, не один. Может быть, у неё уже были дети, рождённые в Валиноре. За других говорить не стану - кому охота, пусть сам докапывается [вот появился же на страницах ВК некий Гилдор Инглорион, по его словам, тоже состоящий в родстве с Домом Финвэ (точнее, с Домом Финарфина), - почему никто не проявляет интереса к его биографии?]. Я же строю версию только по поводу Глорфиндэла.

Допустим, он и есть тот самый сын Иримэ, рождённый в Гондолине. Что из этого следует? Во-первых, близкое родство с Тургоном (двоюродный брат) и с Элрондом (двоюродный дед). Во-вторых, его не коснулось Проклятие Мандоса (Валар проклинали только мятежников - но никак не тех, кто ещё и родиться-то не успел!), а стало быть, никаких загвоздок с его новым воплощением в Валиноре произойти не могло. Правда, обыкновения “воскрешённых” из Мандоса Элдар отпускать обратно в Эндорэ не существовало, но Глорфиндэл - это особый случай, и с разъяснением этой ситуации проблем у Профессора уже не было: “Глорфиндэл пожертвовал жизнью, защищая беглецов из разрушенного Гондолина от демона из Тангородрим, и тем самым дал возможность Туору, Идрил, дочери Тургона, и их сыну Эарендилу спастись и найти прибежище в устье Сириона. Хотя Глорфиндэл не мог знать об этом (и защищал бы любых других беглецов, оказавшихся на их месте), его поступок имел жизненно важное значение для замыслов Валар. <...> Глорфиндэл снова воплотился, и ему было позволено жить в Благословенном Королевстве, ибо он снова вернулся к изначальной благодати и чистоте эльдар. <...> Вследствие самопожертвования сила его духа значительно возросла. Тогда же, возможно, еще в начале пребывания Глорфиндэла в Валиноре, он стал соратником и другом Олорина (Гэндальфа), который, как сказано в “Сильмариллионе”, особенно любил Детей Эру и заботился о них”. Так что когда Валар решили послать в Средиземье Магов-Истари для борьбы с возродившимся Сауроном, неудивительно, что в качестве “боевой единицы” им был придан Глорфиндэл. Он подходил для этой роли по всем статьям: вкусивший благодати Валинора - раз, великий воин - два, родич Элронда и Галадриэли королевских кровей - три; словом, авторитетнейшая фигура!

И, как мы знаем, Глорфиндэлу ещё не раз довелось продемонстрировать своё мужество и отвагу под небом Арды. В арноро-ангмарской войне именно войско Имладриса, возглавляемое Глорфиндэлом, решило исход генерального сражения. Именно появление Глорфиндэла, витязя на белом коне, заставило поспешно ретироваться с поля боя Короля-Чародея. А с его появления перед Хранителями под сводами мрачного леса я и начала своё повествование...

20...21 ноября 1999 года

(C) Hel Itilienvén

А.Семенов (МакДуф, Эрандил)

Мифопоэтическое пространство в литературе XX века

1. Оправдание темы доклада. Определение мифопоэтического пространства. Примеры из Толкина.
2. Субъективный критерий присутствия мифопоэтического пространства. Мифопоэтическое пространство в литературе разных “Вселенных” XX века:
 - 1) США — Роберт Говард, “Золотой век” американской научной фантастики;
 - 2) Западная Европа — Толкин и иные Инклинги, Умберто Эко, Джеймс Джойс, Уильям Батлер Йейтс;
 - 3) Россия — Михаил Булгаков, Максимилиан Волошин;
 - 4) Латинская Америка — Габриэль Гарсиа Маркес.
3. Пути развития мифопоэтического пространства (лекция У.Эко в Санкт–Петербурге).
4. Обратная связь истории и мифопоэтического пространства:
 - 1) переселение в мифопоэтическое пространство как вариант путешествия сознания и Путешествия вообще (доклад С.М.Печкина);
 - 2) мифопоэтическое пространство и ролевая игра;
 - 3) преодоление синкретизма (по У.Эко: “Маятник Фуко”, “Вечный фашизм”, Ф.М. Достоевский, “Бесы”);
 - 4) чудовище (у Эко — Хорхе, у Маркеса — ветер и “свиной хвостик”, у Булгакова — Воланд со свитою, у Волошина — Левиафан, у Толкина — дракон) и результат борьбы с оным (“The Monsters & the Critics” by J.R.R.Tolkien);
 - 5) преодоление одиночества.
6. Выводы.

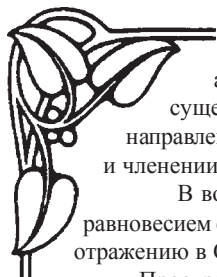
1. Оправдание темы доклада.

По географии в литературе, имеющей отношение к жанру фантастики, сказано и написано немало, и добавить, кажется, уже больше нечего, за двумя значительными исключениями.

Во-первых, необходимо учесть, что к изучению географии фантастического мира следует подходить не только с позиций географии физической, исторической, политической и пр., но и постоянно памятуя, что пространство фантастики — а география не может существовать как наука без более или менее четкого определения категории пространства (иначе непонятно, что именно изучать и как) — является пространством мифопоэтическим, то есть отличным от

Бѣжѣ хѣрѣ : ѣмѣ рѣрѣ рѣрѣ : ѣрѣ

привычного для географии пространства физического.

С точки зрения современной физики пространство — это нечто абстрактное, отделенное от своего наполнения, буквально, одна из форм существования материи, характеризующаяся протяженностью и объемом. Все направления и части его равнозначны, да и сами понятия о каком-либо направлении и членении в таком пространстве относительны.

В восприятии же мифопоэтическом пространство является гармоническим равновесием соподчиненных частей и имеет эстетическую ценность, а потому доступно отражению в Слове.

Пространство противоположно не-пространству, космос противостоит хаосу, мир — пустоте (вспомним, что, скажем, толкиновские Арду и Эа окружает Кума — Бездна, Пустота, Ничто). В то же время в центре пространства (а мифопоэтическое пространство имеет центр) всегда существует неосвоенный, непереработанный космосом очаг хаоса — источник конфликтов. Возьму на себя смелость утверждать, что в Среднеземье таковой локализуется как Ородруин. Вторым центром (и он обязательно присутствует в мифопоэтике), через который проходит ось мира, осуществляется связь мира горного с миром дольным, у Толкина, по крайней мере в Первую эпоху, является вершина Манвэ, Ойолоссэ.

Мифопоэтическое пространство неотделимо от предметов, его наполняющих, и от времени, в котором они пребывают, ибо и ценно оно их содержанием и взаимосвязями, меняющимися непрерывно. В связи с этим различны и разноценностны направления в пространстве и его части: Север — колдовской, демонический, Запад — обожествленный, духовный, но там же и вход в царство мертвых (Чертоги Мандоса, например), Восток — необъятный, таинственный, плодородный.

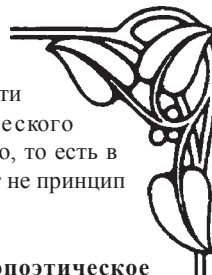
Пространству надлежит быть познанным, пройденным и освященным, для чего эпический, сказочный, литературный герой продлевает путь — притом весьма окольный (Фродо тоже подходит к цели далеко не прямым путем) — не путешествие, но миссию, и каждый шаг его символичен (мост, пещера, ворота, перекресток, гора, лес, болото — всюду преодолевается некая граница между “своим” и “чужим”, делается выбор между истинным и ложным) и не случаен. Некий сакральный символ должен быть доставлен в центр пространства, дабы утвердить приятие мира перед Творцом, провозглашая объединение частей пространства одним телеологическим замыслом, восстановление на более высокой духовной ступени былого единства горного и дольного, признание жертвы Творца, ограничившего себя этим актом творения, путем Спасения Творения, переход (эвкатастрофу) от мира старого к миру Новому.

Вторая и не менее важная особенность состоит в том, что в география мифопоэтического мира логична и неслучайна. Во многих книгах жанра *fantasy* мы сталкиваемся со следующей картиной: если гора — то вдвое выше Эвереста, если обрыв — 10 километров высотой и 10000 длиной, если пустыня — то в полпланеты, если болото — стократ ужаснее амазонской сельвы, если плоскогорье — непременно “затерянный мир”, если архипелаг — то по площади превышающий Евразию и с такой изрезанной береговой линией, что в пору применять математику фракталов и т.д. Опять же, у Толкина такого нет, зато карта Среднеземья всем очень-очень что-то напоминает: Северо-Запад Среднеземья невелик — не больше Западной Европы, есть горы — вполне обычные, не выше 4000 м, река — большая, но не больше Дуная, лес — великий и таинственный, но вполне нейтральный, есть сады, степи, пустоши, города, пастбища и поля, луга и холмы — все как на Земле. Только вот почему “как”? И где же такое на Земле? Ответу: не “как”, а на Земле, поскольку и Среднеземье, и все другие мифопоэтические миры в начальном и конечном счете — наш мир; вымышлена (а, скорее, реконструирована)

историческая эпоха. А значит и истоки построения мифопоэтических географий именно такими, какие они есть, следует искать на Земле.

Но системный подход — не просто красивое словосочетание: Толкин сам отмечал в письмах, что прямого переноса, кальки с поверхности Земли на Среднеземье нет. Источников географии мифопоэтического пространства всегда несколько, связаны они между собой оригинально, то есть в основе построения географической среды фантастического мира лежит не принцип суммы, а принцип системы.

2. Ощущение мифопоэтического пространства. Мифопоэтическое пространство в литературе XX века.

И, тем не менее, все сказанное выше не дает четкого критерия для отличия мифопоэтического пространства как от пространства мифа, так и от пространства реального или, что будет правильнее, физического. Вряд ли найдется прозаическое художественное произведение, где нет ни единого слова, по наличию коего можно было бы ответить на вопрос “где?” Даже если нет ни единого топонима, всегда обнаружится что-нибудь вроде таких понятий, как “дом”, “дорога”, “улица”, “комната”, “диван”, наконец. А уж если попытаться, хотя бы в воображении, подвинуть этот диван, он немедленно потянет за собой столько... Даже потянув за гораздо менее массивный предмет — колечко, Толкин извлек на свет сквозь крупную дверцу норы Бильбо Беггинса целое Среднеземье.

Но, коль скоро пространство есть везде, то какое из всех этих пространств *должно* считать мифопоэтическим? Очевидно, что ему присущи некие атрибуты, которые и отличают его от иных. На мой взгляд, произведение, породившее мифопоэтическое пространство, должны характеризовать: а) фантастичность, б) историчность, в) мифология, г) поэтика, д) такая плотность информации о пространстве, что возникает явная потребность в графических средствах ее отображения, сиречь в карте.

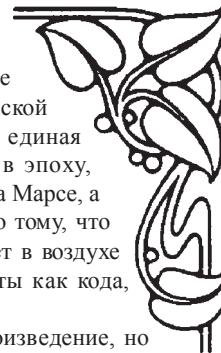
О том, что считать фантастическим, говорено многократно. Толковые словари беспомощны, чтобы дать четкое определение. Засим обратимся к авторитету. В эссе “О волшебной сказке” в главе “Фантазия” Толкин выводит такое определение: фантазия, связанная непосредственно с фантастикой, есть вид рациональной деятельности, способность создавать образы не существующего в реальном (первичном) мире и придавать им при этом внутреннюю логичность реального, то есть порождать “вторичное творение” (sub-creation) и вселять “вторичную веру” в его существование. Определение сформулировано мною лично на основе изложенного Профессором и, конечно, длинновато, но иное мне показалось бы неполным, ибо речь идет о довольно сложном предмете.

Историчность понимается как определенная постановка авторской задачи. Автор, прежде всего, стремится поведать читателю *историю*, сиречь любое действие его героев обусловлено историческими закономерностями эпохи, в которой они живут. Пользуясь “Заметками на полях “Имени розы”, скажу: любое действие, совершенное героями, могло произойти только в том месте и в то время, о коем повествуется в произведении. Все прочие аспекты и толкования: моральные, аллегорические, аналогические — суть производные от прямого, сиречь исторического.

Мифопоэтика, в отличие от мифологии и поэтики, являет собой “чего-то особенного”. Но и миф, и поэтика в ней присутствуют. Миф — это, как известно, народное предание, предел спрессованности времени и обобщения, когда время перестает быть временем: миф лежит вне времени. Взгляд изнутри мифа напоминает обозрение четырехмерной панорамы с вершины

называется “О скитаниях вечных и о Земле”. Карта Земли, отдельных, близких переселенцам ее местечек — вместе с их историей и мифами — переселяется на поверхность Марса, и эти маленькие мифопоэтические пространства вытесняют пространство марсианской мифопоэтики либо растворяются в нем. Разумеется, со временем, единая мифопоэтика Марса и Земли должна неизбежно возникнуть, но в эпоху, описанную Брэдбери, она лишь зарождается. Земляне еще не нашли на Марсе, а марсиане еще не выудили у переселенцев-землян колечка, подобного тому, что соединило “Хоббита” с “Властелином колец”. Поэтика покуда витает в воздухе Марса и не вросла в его почву, чтобы создать необходимость карты как кода, связывающего образ и вещественность.

О картах стоит сказать, что не каждое мифопоэтическое произведение, но подавляющее большинство оных нуждаются в карте; в то же время, произведения лишь претендующие на роль “вторичного творения” вполне обходятся и без карты, хотя, зачастую, в изобилии оными снабжаются.

Переходя от определения мифопоэтического пространства к его происхождению, к рассмотрению его как явления литературы, можно было бы распространить временные границы этого пространства вплоть до “Беовульфа” и Гомера, включить все наилучшее, созданное за века и тысячелетия развития художественной словесности, в рамки мифопоэтического пространства и творить в своем докладе — благо, материал более чем богатый — все, что душе моей угодно. Но делать этого я не стану. Напротив, душе моей такое вовсе не угодно, ибо сказать мало о многом, значит не сказать ничего, поскольку говорить следует о чем-то общем, о том, что можно вынести за скобки. Сказать обо всей материи в целом мы можем только то, что она, безусловно, существует. То, что должно сопутствовать мифопоэтическому пространству, мной уже определено. Осталось показать, что это пространство наличествует в литературе, и найти его границы.

Феномен мифопоэтического пространства принадлежит XX веку, при этом возник он приблизительно в одно и то же время в литературах разных, с точки зрения этнологии, “Вселенных”. Таким образом, мифопоэтическое пространство как явление наднационально и относится к истории развития литературы, а не к истории народов или производительных сил.

Литература века XIX, равно как и веков, истекших ранее, разумеется, послужила основой и источником для появления на свет нового представления о пространстве в литературном произведении. Эдгар По и Герман Мелвилл, Федор Михайлович Достоевский и Валерий Брюсов, Жюль Верн и Редьярд Киплинг вплотную подошли к началу той тропинки, что ведет в эльфийские холмы. Последние трое, к слову, успели “зацепить” XX век, а Киплинг даже дошел по этой тропе до меловых холмов и попал в “Сказки старой Англии”; но сделать того шага, что сделал деревенский кузнец из Большого Вутона великому писателю не удалось. Словами классика, “как деревенский кузнец, я выйду засветло”. Киплинг вышел рановато... и ушел не туда. Почти что в мире мифопоэтики живут Исмаил из “Моби Дика”, и герой “Белых ночей”, и Артур Гордон Пим. Но им всем — а точнее не им, но авторам — недостает одного, но главного компонента: “вторичной веры”. И читатель — то готов верить в ту “вторую реальность”, что сотворил автор, да только сам автор вдруг сворачивает в сторону. Исмаила возвращают в Нантакет, утопив в море весь экипаж и оставив в морских пучинах загадку Белого Кита; молодой человек из Петербурга прячет свой город обратно в табакерку; а По и вовсе обрывает повествование на фигуре, что белее белого. Вероятно, для открытия верной тропки “в холмах зеленой стороны” нужен был человек, сведущий в географии мастерски, то есть профессионально. Сиречь, ученый.

ԳԻՏԱԿԱՆ Ի ԴՆ ՇԵՎՐԱՆ • ԲԵՇԱՆ

Человек, который не просто прогуливается по мифопоэтическим тропкам, но знает, куда идти. И такие нашлись. И они были учеными: Джеймс Джойс, Уильям Батлер Йейтс, Джон Роналд Руэл Толкин. И Максимилиан Волошин — в России.

Россия, Англия и Ирландия — три несхожих меж собой мира: российский, западноевропейский и новокельтский (неологизм придуман мною лично, дабы отличать мир “Мабиногиона” от мира “Поминок по Финнегану”). Четыре несхожих жанра: роман-эпос, постмодернизм, циклы фольклорных очерков, стихи. Вероятно, причиной стала потребность в новом осознании предназначения и пути художников слова. Писатель и поэт теперь должен был стать не только очевидцем, рассказчиком, сопереживателем, наблюдателем, анализатором, ценителем, моралистом, воспитателем, толкователем — хотя и должен был оставаться и тем, и другим, и пятым. Но: на первый план выдвинулась роль писателя-структуралиста, умеющего найти цельность и смысл в хаосе разрозненных мыслей, идей, образов, событий, умеющего собрать из осколков чашу, организовать жизнь вокруг себя, первым пройти инициацию и стать проводником для других, дать времени своего героя, в конце концов. Иными словами, пользуясь научными терминами, выявить в окружающей действительности (куда включается и прошлое, как источник настоящего) принцип системы; структурировать время для человека, растерявшегося перед натиском интенсивности бытия (по Эриху Берну); добраться до организующих первооснов мышления — архетипов, дабы быть понятым многими; наконец, выстроить из всего открытого и найденного в изначальном хаосе космос, то есть... пространство. Все исходные методики к тому времени уже имелись или ученые были близки к их обнаружению: математики изобрели системный анализ, психологи открыли архетипы, лингвисты, историки и археологи воссоздали немало из того, что, казалось бы, навсегда исчезло в пасти Хроноса. Количество неизбежно перерастало в качество, и в литературе этот переход также с необходимостью состоялся — где-то раньше, чем в других областях познания, где-то — позже.

Мифопоэтическое пространство явилось мощным средством для того, чтобы решить поставленную таким образом задачу. Попытки решить ее иным путем (задача-то, разумеется, не нова) предпринимались, и это дало мировой литературе немало шедевров, но в них решения найдено не было. Решением, как всегда, были прописные истины, но важно то, каким образом об истине сказано. Как писал Толкин в письме Майклу Страйту (“The Letters”, стр. 233, письмо 181), “волшебная история обладает своим собственным способом отражения “истины”, отличным от аллегии, или сатиры (сдержанной), или “реализма”, и в чем-то более сильным”. Век XX был веком греха, и время нового покаяния наступило, но старые молитвы были уже не годны. Греческое слово “мефбнпйфе”, переведенное в тексте Библии как “покайтесь”, имеет другое значение: “передумывайте”, то есть “переосмысливайте”. Мифопоэтическое пространство явилось действенным методом переосмысления. Те из авторов, кто понял (пусть подсознательно, ибо мы не можем доподлинно знать, что думал Джойс, пища своего “Улисса”, да и говорит писатель всегда больше, чем то, о чем намеревался сказать) это предназначение мифопоэтического пространства, создали вечные книги; не понявшие — в лучшем случае хиты, на какое время занявшие топовые строки в издательских хит-парадах.

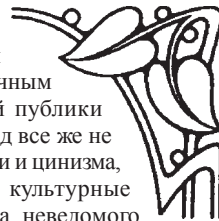
Стоит заметить, что, упомянув о наднациональном общем в мифопоэтическом пространстве, я ни коим образом не хочу отрицать своеобычность данного пространства у каждого народа. Отсюда и различие в методах и средствах конструирования “вторых Вселенных”. Впрочем, не меньше разнообразия привносит и личность автора. Итак, Толкин, воссоздавая утраченную мифологию Англии, избрал пассеизм как метод и, вместе с К.С.Льюисом и иными Инклингами, преуспел, возвратив утраченное мироощущение в беспокойный закат западноевропейского мира, пускай на какое-то ограниченное время. По крайней мере, из всех литературных героев только Гэндальфа, насколько мне ведомо, искренне хотели избрать в президенты США. (Гэндальфа, а не Леонарда ди Каприо, прошу заметить! Вот она — без

ṛṭṭjṁṁ ḏḡṭṁ : qōṛ ṁṁ i ḡjḡ

глумления — волшебная сила искусства!)

Роберт Говард, сам того не ведая, дал Америке героя нашего (американского “нашего”) времени, занявшись тем, что Толкин называл эскейпизмом (escapism) в хорошем смысле слова. Конан-варвар стал вечным героем отнюдь не по причине невежества и безвкусицы читающей публики (располагая всеми, казалось бы, атрибутами киммерийца, Джеймс Бонд все же не герой, а сыщик). Варварство Конана надо понимать как отказ от пошлости и цинизма, которые цивилизация накапливает точно так же, как и духовные и культурные ценности, как отказ от преклонения перед мощью метафизического зла, неведомого “варварам”. Правда, и метафизическая благодать при этом тоже теряется, но примат душевных ценностей, негласно предлагаемый Говардом, выглядит совсем неплохо по сравнению с идеями фашизма (то бишь “вечного фашизма” по У.Эко), релятивизма и прочими прелестями, кои предлагает нам цивилизация.

Джеймс Джойс предвосхитил — а писатель-конструктор должен уметь предвосхитить — изыскания Института головного мозга им. Бехтерева о том, что по сложности человеческий мозг равен Вселенной. Выражаясь лаконично, не вдаваясь в подробности теории математического моделирования и идентификации объектов, подобное познается с помощью подобного. Один день двух дублинцев, данный нам в их мыслях, открыл то самое Приключение (или инициацию, или самоидентификацию — как прикажете), которые многие ищут, да никак не могут обрести. А ведь стоило внимательно прислушаться к себе, к тому самому пресловутому внутреннему миру, чтобы найти там то, ради чего стоит жить. Это “то” — благословенная Итака, родина в широчайшем смысле. Новокельтский мир сейчас доплыл до своей Итаки — расцвета культуры, — и Джойс — один из первых ее открывателей.

Другим стал Уильям Батлер Йейтс. Он, как и Джойс, как и Толкин, обратился за ответом к прошлому, но по-иному. Если Джойс познавал человека, скользя мыслью по дереву мысли же, представляющей собой, по сути, отсылки к прошлому и отсылки к отсылкам к прошлому, и еще более многоуровневые отсылки, а Толкин шел к Началу, экстраполируя древние языки и тексты в сторону еще большей древности, то Йейтс попытался его, прошлое, взятое в виде традиции, дешифровать. Странствуя “Кельтскими сумерками”, собирая в полусветах угасающего костра древнего кельтского мира бусинки преданий и традиций, он соткал узор, и получилась роза о многих лепестках—scela’x. И пусть каждый путь—лепесток не приводил никуда, но вместе они выявили центр. Если все сущее и осквернено черной ржой порока и греха, то там, в центре, куда не добрался никто, в пустоте, не опороченной никем, и обитает Бог. Но пустота эта сияет, и нет в ней никаких львов.

Тем же путем, в принципе, гораздо позже прошел Умберто Эко, только составными узора у него были не предания, а имена: имена книг в лабиринте, имена целых комнат и галерей с книгами, имена вещей и понятий, имена имен — знаки. И снова узор явил розу, имя которой сокрыто в центре, в пределе Африки, и гласит оно... Что оно гласит, не назовет никто, ибо до центра не добираются. Известно одно: львов там нет. А имя, оно не только в центре розы; оно есть сам пройденный автором, а вслед за ним и читателем, лабиринт и узор розы, равной самой себе. Зане имя есть информация, в узком смысле знак, скрывающий эту информацию, а полная информация о предмете равна самому предмету. В данном случае более универсального знака не найти, ибо роза является мифопоэтическим пространством, Универсумом. Универсум же, как с ним не оперируй, есть такое множество, которое замкнется на себя: оно самодостаточно. Посему весьма глупо выглядит восставший народ, ворвавшийся на территорию монастыря в голливудской экранизации. Не только потому, что в те времена постановления инквизиции были неоспоримы, но и потому что размыкание универсума монастыря ведет к обесмысливанию произведения.

Возвращаясь к Соединенным Штатам Америки, нельзя не возразить тем невеждам, кто упрекает эту страну в отсутствии духовности. Разумеется, весьма грустно, когда американец,

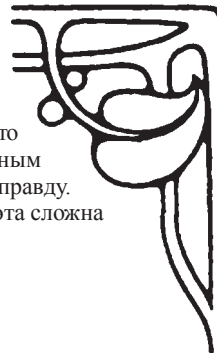
40–60-х годов, уникально тем, что находится оно не в прошлом или настоящем, но в будущем. “Золотой век” американской научной фантастики дал миру имена Рэя Брэдбери, Клиффорда Саймака, Айзека Азимова. Подобно тому, как Толкин воссоздал утраченную Вселенную английского легендариума, эти американские фантасты построили не существовавшую никогда мифологию США, ибо мифология североамериканских индейцев — это мифология индейцев, сиречь совершенно иного, уничтоженного мира.

Коктебель и Париж Волошина, его венки сонетов “Corona Astralis” и “Lunaria” и, конечно же — как итог — поэма “Путями Каина” (пусть и была она написана еще в 1915 году) составили первое в российской литературе пространство мифопоэтики. Поэзия Максимилиана Александровича Волошина, что называется, “программная”. Каркас той структуры пространства-времени, которую создает поэт, виден в его стихах. От физического материала — камня, металла и стекла, при этом обязательно цветного витражного (по образованию Волошин — юрист, по

ṛṭṭjṁṁ ḷḡṭṁ : ɸṑṛ ḥṁ i ḡṛ

профессии — инженер-путеец) — до этики, до мифа, при этом с непосредственной отсылкой к этому самому мифу, поэт тщательно выписывает картину-карту своего космоса (сказывается, видимо, второе призвание Волошина — живопись; его изобразительные средства очень мощны). Самым показательным примером в этом смысле является глава “Левиафан” из “Путей Каина”. Такое, что называется, обнажение приема следует из проповедуемой Волошиным обновленной (сиречь неофициальной) христианской морали: говорить правду. Истоки этой правды лежат в бытии прошлого и настоящего, и правда эта сложна и труднопостижима, как левиафан, но сам Господь речет:

“Кто ты,
Чтоб весить мир весами суеты
И смысл хулить моих предначертаний?
Весь прах, вся плоть, посеянные мной,
Не станут ли чистейшим из сияний,
Когда любовь растопит мир земной?
Сих косных тел алкание и злоба
Лишь первый шаг к пожарищам любви...
Я сам сошел в тебя, как в недра гроба,
Я сам томлюсь огнем в твоей крови.
Как я тебя — так ты взыскуешь землю.
Сгорая — жги!
Замкнутый в гроб — живи!
Таким мой мир приемлешь ты?
— “Приемлю...” — отвечает Волошин.

Менее декларативны коктебельские (они называются “Киммерийская весна” и “Киммерийские сумерки”, между прочим!) творения Волошина, но в их поэзии мотив космоса-души, космоса-языка звучит не менее властно. Коктебель Волошина — это своего рода Старый Лес Тома Бомбадила, разве только Том ограничен лесом и холмами, а для Волошина Коктебель — маленькая модель его Вселенной, а стихи его — малая музыка Айнуров.

Другой пример построения мифопоэтического пространства в российской словесности — роман Михаила Булгакова “Мастер и Маргарита”. Ведущий мотив Вселенной романа — мотив города. Город, как выясняется, живет даже не двойной, а тройной и еще более многоплановой и многослойной жизнью. Двойная жизнь у всех на виду: днем — парад на Красной площади, трудовые будни и ВДНХ; ночью — черный “воронка”. Однако, как, опять же, выясняется, есть подспудная реальность, которая посильнее реальности черного “воронка”. Эта реальность — реальность мифа, реальность подсознания. Изгнанный из дневной и ночной жизни, миф не исчезает, но активно сопротивляется, как любой живой организм. И порождает столь странные фигуры, как Воланд, Коровьев, Азазелло и Бегемот. Все они, вроде бы, бесы. Но совсем иные бесы, нежели бесы Достоевского или Умберто Эко (“Маятник Фуко”). Бесы Достоевского сидят в Кремле, а бесы Эко — в Рейхстаге. И занимаются тем, что кроют Историю под свой бесовский План, изыскивая в ней Заговор. Кто ищет, тот всегда найдет. Даже черную кошку в темной комнате, особенно, если ее там нет. Уж что-что, а это мы умеем! И заговоры находятся во множестве. И чалят печи Бухенвальда, и идут бесконечной чередой “последние вагоны на север”. Разумеется, верховным бесам, да и мелким тоже, не по нраву тот, кто просто рассказывает истории, то есть Мастер. Он ведь нарушает план! “Третий Рим” стремится распыть Рассказчика так же, как Рим распял Иешуа. Но любые бесы бессильны перед Историей. В образе Воланда и свиты являются в первопрестольную не Сатана сотоварищи — товарищи все в Кремле, — а те хранители Истории, которые помнят еще времена Понтия Пилата, и еще

တဝံဇ်တံသံ :: ၊ ၵာ် ၵိာ်ဇံ ၵိာ်သံ ၵိာ်ဇံ :

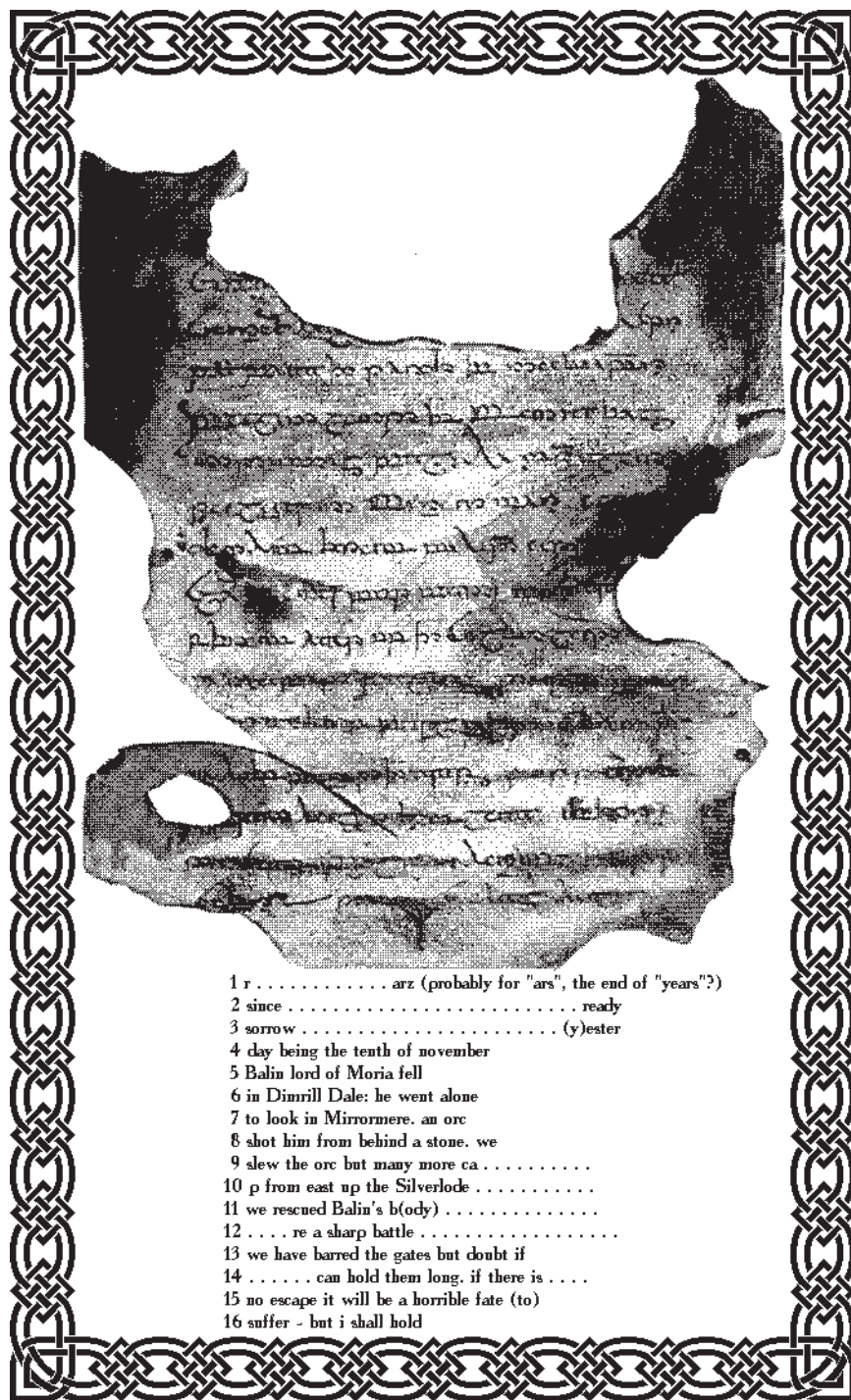
более древние времена. Пусть они носят имена бесов и надевают шутовские личины, пусть устраивают дурацкий бал–карнавал — это та ирония, без которой нельзя понять красоты Истории. Без иронии История покажется дурной цепью грехов, а от такого понимания и проистекает подлинное бесовство. В унынии — грех, потому и Иерусалим участвует вместе с Римом в казни Иешуа. Без иронии, часто выраженной в форме карнавала, не обходится, пожалуй, ни одно произведение мифопоэтики. Кот–Бегемот и Фагот — не бесы Преисподней, но и не ангелы божьи. Михаил Булгаков, вольно или исподволь, избегает “слишком громкого хлопанья ангельских крыльев”, о коем, как о недопустимом дурновкусии в пределах мифопоэтического пространства, писал в эссе “О волшебных сказках” Толкин (примерно в те же годы, когда создавался роман Булгакова). Они не ангелы, а потому не могут даровать Спасения, не могут (да и не в праве), несмотря на всю колдовскую мощь свою, выпрыгнуть из Москвы черную нечисть. Но даровать Покой они в силах. И даруют — и Мастеру, и Понтию Пилату — просто за то, что тот не был зол к Иешуа и выслушал его. И передал выслушанное потомкам. От кого, как не от Пилата (в интерпретации Булгакова), узнали мы о том, что произошло в его дворце? Не от Марка Крысобоя же? К слову, и в Валиноре герои Толкина обретают отнюдь не Спасение, но Покой. Итак, кто же такие Воланд и Ко? Они пришли из мифа, “вторичной реальности”, потому и не ангелы. Но и не бесы, как уже говорилось, несмотря на прекрасный и грозный финал, где звучит стук копыт коней всадников Апокалипсиса. И даже не бесенята. Они с той самой тропы, что “в холмах зеленой стороны”, коя свидетельствует о наличии мифопоэтического пространства. Они, конечно, не толкиновские эльфы — заявлять такое было бы смешно, однако: вспомните, что говорил Толкин об эльфийском театре в том же эссе, и сравните это с представлением в цирке, данным Воландом. Через мифопоэтическое пространство Михаил Афанасьевич Булгаков ищет выход в годину бесовства, ищет способ говорить правду, ищет силу, способную противостоять бесам, ищет, наконец, свою Итаку — то есть Покой. И находит. А про Апокалипсис напомнить нелишне, и в мифопоэтическом пространстве о нем помнят. Кстати, похожее мы находим у Рэя Брэдбери. В “451° по Фаренгейту” американский фантаст моделирует рождение новой мифологии — из литературы, — да и поступь Апокалипсиса звучит там не тише, чем в “Мастере и Маргарите”.

Последний из писателей, чье творчество я рассмотрю в этом ряду, кой ряд мог быть гораздо длиннее, это Габриэль Гарсиа Маркес, как представитель литературного мира Латинской Америки, куда, как утверждают, потихоньку переместился центр мировой литературы. Вопрос о центре весьма спорный. Бесспорно творчество Маркеса. Огромная статья “Литература и миф” в “Мифологической энциклопедии” повествует, что Маркес использовал в своем романе “Сто лет одиночества” мотивы латиноамериканского фольклора. Что ж, это несомненно, но мотивы латиноамериканского фольклора использовал и Умберто Эко в “Маятнике Фуко”, и еще много кто и где использовал. Однако, почему—то именно Маркес и именно “Сто лет одиночества” стали своего рода “знаком качества” латиноамериканской литературы. Вроде бы, ничего особенно фантастичного в романе нет, кроме последней сцены с ветром. Захолустная деревенька в джунглях разрастается до небольшого городка, а потом угасает и гибнет. Жители строят, ломают, любят, ненавидят, воюют, делают революцию и вообще борются за существование. Словом, все как всегда. “Обычные дела животных, не бог весть что...” Мало того, роман является во многих отношениях антиутопией — вот уж, казалось бы, антимир по отношению к мифопоэтическому пространству. Тем не менее, антиутопия Хаксли и антиутопия Маркеса, опять—таки, две большие разницы. Секрет, на мой взгляд, в том, что в большинстве антиутопий (включая антиутопии Стругацких) действуют люди—схемы (при всем художественном мастерстве авторов), люди—анекдоты, люди—характеры, люди—аллегории, одним словом. У Маркеса ни один персонаж не является персонажем—идеей, даже полковник Аурелиано Буэндиа или Ремедиос Прекрасная. Хотя, как и у Волошина, как и у Джойса, как у Толкина отсылки к первоисточникам у Маркеса достаточно прозрачны, роман не является пересказом ни одного из них. Макондо гибнет, гибнут все главные герои, смерть витает над каждой страницей книги, но роман притягателен, и

притягательен вовсе не притяжением Бездны. Слово “очарование” может относиться, словами Толкина, “и к рассказанной истории, и к власти над людьми”. В данном случае это притяжение пространства, созданного Маркесом; Макондо в нем лишь один из множества населенных пунктов, которые остались за рамкой картины (вспомним рассуждения Профессора о картине и рамке в его эссе). На примере Макондо колумбийский писатель, в отличие от Толкина, Джойса или Йейтса, указавших, где следует искать Итаку, предупреждает о том, где ее искать отнюдь не следует. В мифопоэтическом пространстве есть тропы, по которым ходить не надо. В таком случае без морального вывода не обойтись, и Маркес приводит его в самом последнем пассаже романа. И еще в названии, где мораль выражается в форме крылатого слова, как в “демяновой ухе”. Вспомним, что с тех пор, как Хосе Аркадио Буэндиа прошел в сердце сельвы от моря, больше никто из жителей Макондо, кто остался в городке, не смог пойти обратно, даже полковник Аурелиано. Море — общепринятый символ забвения, в котором тонут призраки памяти. Забвение нужно, иначе эти призраки перерождаются в чудовищ. Макондо подобен библиотеке монастыря, превращенной Хорхе в безмерное хранилище памяти. И в библиотеке бродят призраки, и превращаются в чудовищ. Под собственной тяжестю память поколений обрушивается и погребается под собой своих накопителей. Храмина сгорает (и там не обходится без сильного ветра), а Макондо разрушает ураган. Забвение время от времени необходимо, ибо дает место для творчества, кое спасительно, ибо является признаком свободы воли. Сплошная память без забвения губительна, ибо давит своей предопределенностью, сиречь обреченностью, и приводит к одиночеству как для личности, так и для сообщества. Память—догма страшится общения, замыкается в себе, поскольку всякое общение рождает критику, привносит Иное, отличное от догмы, а догма этому противится. В конце обреченности лежит апокалипсис; не апокалипсис—эвкатастрофа, но апокалипсис—гибель: “Каждый умрет той смертью, которую выберет сам”, — гибель наступает Макондо. Город рушится не просто ураганом, а ураганом—смерчем, гигантской воронкой, уходящей в Бездну. Но вывод Маркеса оптимистический, сколь бы странным ни показалось такое заявление. “Тем родам человеческим, которые обречены на сто лет одиночества, не суждено появиться на земле дважды”. Маркес, во всяком случае, против такого повторения, и те герои романа, кто сумел преодолеть это затягивающее в воронку призрачной памяти течение, сумел переосмыслить реальность, покинули город, как Альваро, Альфонсо, Герман и Габриэль. Но мифы, рожденные на благодатной некогда — сто лет назад — земле Макондо остались с ними. С гибелью Макондо — Фазтона Вселенной Маркеса — сама Вселенная не кончилась. Выходит, что Маркес опять—таки не сказал ничего нового. Но сказал (а, точнее, *рассказал*) он о старых истинах языком мифопоэтического пространства, а потому был понят.

Язык мифопоэтического пространства исключительно читабелен, несмотря на высокую, порой, сложность (у Джойса). Он вкусен, но не пресыщает, а напротив, разжигает аппетит. Он ускользает, как запах свежеспеченного хлеба, но успевает рассказать о многом, ибо слова его — архетипы. Возможно, со временем, и этот язык уйдет, дав место какому-то другому, как ушел язык Пушкина, а за ним язык “Серебряного века”. Но на сегодняшний день именно этот язык созвучен времени. Произведения, о которых шла речь, а также многие иные, явились причинами, повлекшими за собою, как и следовало из их структуры, целую историю, которая получила свои направления развития.

A decorative border at the bottom of the page. It features a large, stylized floral or leaf motif on the left, followed by a repeating pattern of small, diamond-shaped geometric shapes. Below this, there is a row of small, stylized, upward-pointing shapes, possibly representing a row of flowers or a continuation of the geometric pattern.

- 1 r arz (probably for "ars", the end of "years"?)
- 2 since ready
- 3 sorrow (y)ester
- 4 day being the tenth of november
- 5 Balin lord of Moria fell
- 6 in Dimrill Dale: he went alone
- 7 to look in Mirrormere, an orc
- 8 shot him from behind a stone, we
- 9 slew the orc but many more ca
- 10 p from east up the Silverlode
- 11 we rescued Balin's b(ody)
- 12 re a sharp battle
- 13 we have barred the gates but doubt if
- 14 can hold them long, if there is
- 15 no escape it will be a horrible fate (to)
- 16 suffer - but i shall hold